

2012/1 (7)

Содержание

Васильев А. Г.

Теоретическая культурология

Шеманов А. Ю.

Другой как «неспособный»: социальный конструктивизм vs. медиализация

Разлогов К. Э.

Духовное возрождение — миф или реальность?

Историческая культурология

Кочеляева Н. А.

Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе

Скибинская О. Н.

Культурно-исторические основы исследования рода в провинциальной российской традиции

Прикладная культурология

Костина А. В.

Реклама как фактор формирования аксиологического пространства

Мамедов Ф.

Человеческий капитал: возможности культурологического подхода к анализу и оценке

Румянцев М. В.

Лаптева М. А.

Зеленцова Е. В.

Мельвиль Е. Х.

Андреева С. В.

Междисциплинарное исследование креативных индустрий и творческой экономики Красноярска

УДК 930:001.12(049.32)

Современная историческая наука — культурологии
Рецензия на книгу Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»

Аннотация. В рецензии проанализированы подходы автора к анализу методологических основ современной отечественной и зарубежной историографии, новых направлений в изучении прошлого и «культурологизации» исторического знания. Подчеркивается, что «культурный поворот» в историографии и связанное с ним предметно-тематическое обновление современной исторической науки имеют фундаментальное значение для развития исторической культурологии.

Ключевые слова: историческая наука, методология истории, историография, историческая культурология, трансдисциплинарность, «культурный поворот»

Выход в свет в конце прошлого года монографии члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Л. П. Репиной, несомненно, стал событием для отечественной гуманитаристики [1]. Лорина Петровна давно и успешно работает в области методологии и теории исторической науки. Ее работы, посвященные современной историографии и анализу современных научных концепций, уже стали настольными книгами и учебными пособиями для многих начинающих и зрелых исследователей*.

Историческая наука, как в России, так и в мире проходит в последнее время сложный и неоднозначный период трансформации и поиска новой дисциплинарной идентичности. После ряда методологических «поворотов» и теоретических «вызовов» последнего времени вопрос о том, что значит заниматься историей сегодня, какова сфера деятельности историка, кому и зачем нужна история, стали далеко не абстрактными, приобретая порой поистине экзистенциальное звучание для научного сообщества.

Значение книги для историков трудно переоценить. Это поистине гло-

Гуманитарные исследования

Большакова А. Ю.
Теория архетипа и концептология

Селезнева Е. Н.
Методы концептуализации стилей наследования в истории культуры

Богатырёва Е. А.
Фактор времени в становлении культурных индустрий

Вислова А. В.
Культурные индустрии и театр

Малая культурологическая энциклопедия

Иконникова С. Н.
Кондаков И. В.
Костина А. В.
Шапинская Е. Н.
Высокие стандарты ученого и гражданина, воплощенные в жизнь: памяти А. И. Шендрика

К 80-летию Российского института культурологии

Астафьева О. Н.
Разлогов К. Э.
Диалог накануне юбилея

Рецензии

Черносвитов П. Ю.
Цивилизационная идентичность в переходную эпоху

Васильев А. Г.
Современная историческая наука — культурологии
Рецензия на книгу Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»

Аванесова Г. А.
Культурологический дискурс в контексте современных социальных трансформаций

Научная жизнь

Зубов А. А.
Курова-Чернавина Н. С.
Энциклопедический текст на фоне

бальная навигационная система, позволяющая ориентироваться в пространстве современной историографии. Знакомство с ней дает исследователю (особенно молодому) возможность сформировать свою профессиональную идентичность, точно определить координаты своего местоположения в пределах стремительно трансформирующейся «территории историка». Книга дает ясное и емкое представление о динамике современного историографического процесса в мировом масштабе, позволяет оценить достижения прошлого, извлечь из них методологические уроки и заглянуть в будущее исторической науки.

Неоспоримым достоинством книги является и то, что на ее страницах происходит полноценный диалог отечественной и зарубежной историографических традиций. Автор показывает российскую историографию как вполне полноценного и полноправного участника мирового научного процесса.

Книга на страницах своих двенадцати глав дает широкую предметно-тематическую картину современной исторической науки. Среди сюжетов, занимающих автора, присутствует гендерная, локальная, глобальная, персональная и интеллектуальная история. Общий обзор всего разнообразия представленных в книге тем и проблем не входит в задачи настоящей рецензии. Здесь нам хотелось бы обратить внимание на рассматриваемые автором культурологические проблемы, на культурологическое содержание монографии Л. П. Репиной. Оно богато и разнообразно. Проблемам, связывающим историческую науку и культурологию, так или иначе, посвящено около половины объема книги. Автор убедительно показывает возможность и необходимость плодотворного диалога истории и культурологии, наглядно раскрывает процессы культурологизации исторического знания, демонстрирует необходимость опоры культурологических исследований на прочный фундамент исторического материала и историографических концепций.

Среди всех методологических «поворотов», оказавших влияние на современную историческую науку, особое внимание Л. П. Репина обращает именно на «культурный поворот». По ее словам, он стал, «важным качественным сдвигом в мировой историографии», под воздействием которого «возникли новые формы изучения “социального” — быть может, менее амбициозные, но более гибкие и обладающие значительным эвристическим потенциалом» (с. 550).

В этой связи, прежде всего обращает на себя внимание первая глава книги, посвященная концепции интердисциплинарности и месту истории среди наук о человеке и обществе. Высказанные здесь соображения имеют общеметодологическое значение и самое непосредственное отношение к самоидентификации культурологии, возникновение которой явилось результатом переосмысления и ломки традиционных дисциплинарных границ. Долгое время именно за наукой о культуре было закреплено определение «междисциплинарная область знания». «Современная история междисциплинарности, — отмечает автор, — ...может быть условно описана через последовательный переход: от “интердисциплинарности” — через содержательно неразличимые “полидисциплинарность / мультидисциплинарность” — к “трансдисциплинарности”» (с. 29).

Думается, что для самоопределения культурологии важен именно разбираемый автором концепт «трансдисциплинарности», т.е. такого подхода, при котором сама проблема не может быть ни сформулирована, ни решена в границах любой традиционной дисциплины. Отечественная культурология, как и западные cultural studies, возникла именно в таком наддисциплинарном пространстве, в котором стал возможен трансдисциплинар-

ный синтез. Количество таких наддисциплинарных областей все множится. Это — peasant studies, women`s studies, urban studies, fashion studies, gender studies и др. В результате, отмечает автор, на международном уровне (но не в России) возник и даже был зафиксирован институционально «новый ландшафт науки, а вместе с ним и новая классификация учебных дисциплин» (с. 47). Думается, что этот подход многое дает для понимания проблем институционализации культурологии, трансдисциплинарной области знания, пытающейся «вписаться» в контекст традиционных дисциплинарных демаркаций, которые она отрицает самим фактом своего возникновения.

Во второй главе — «От истории социальной к истории социокультурной» — анализируется трансформация традиционной социальной истории в направлении «социальной истории культурных практик». Л. П. Репина реконструирует концепцию «культурной истории социального». В фокусе анализа, отмечает автор, оказывается теперь не номенклатура существующих в обществе социальных групп, категорий, страт, а «непрерывный процесс их становления». Социальная история сегодня обретает новый язык. Как отмечается в работе, ключевыми становятся для нее понятия «практик», «взаимодействия», «конвенций», «репрезентаций» и «дискурса». Таким образом, преодолевается традиционный и пагубный для развития социально-гуманитарного знания дуализм структур и представлений, заставляющий теоретическую мысль совершать постоянные маятниковые колебания между экстремумами объективизма и субъективизма. «В новейшей социальной истории базовые концепции социальной структуры, культуры и индивида перестают рассматриваться как некие отдельные друг от друга онтологические сущности и понимаются как взаимосвязанные аспекты... человеческого поведения и социального взаимодействия» (с. 118), — отмечается в работе.

Развивается, таким образом, процессуальный подход к анализу форм социальной жизни, в рамках которого эти формы понимаются как результат непрерывной интерпретации и переинтерпретации значений и смыслов действующими социальными агентами. Рассматриваемая здесь диалектика социального и культурного чрезвычайно важна с точки зрения современных дискуссий о дисциплинарном статусе исторической и социальной культурологии. Она позволяет уйти от противопоставления культурной истории, занимающейся герменевтикой значений и смыслов, и традиционной истории социальных структур и процессов, от мнимого противостояния культурологов и представителей социальных наук. «В диалектическом понимании культуры как непрерывного взаимодействия между общественной системой и практикой социальной жизни происходит — на основе переопределения и усложнения самого понятия социального — реабилитация социальной истории, пошедшей горнило лингвистического и культурного поворотов» (с. 147).

В связи с этим возникает интересная трактовка «новой культурной истории». Последняя, по мнению автора, сложилась «в болевых точках новой социальной истории, ставших в процессе переопределения самой категории социального точками роста» (с. 130). Таким образом, «социальная история культуры» трансформировалась в «культурную историю социального». Здесь возникает новый образ социальной реальности как мира, состоящего из значений и смыслов, понятий и ценностей. Любые социальные институты, общности, процессы и нормы перестают восприниматься как данность. Вместо этого задачей историка культуры становится раскрытие тонкой внутренней механики, позволяющей всем этим социальным феноменам существовать. «Главная задача исследователя состоит в том, чтобы показать, каким образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов действуют в пространстве возможностей, ограниченном созданными предшествовавшей культур-

ной практикой коллективными структурами, испытывая на себе их постоянное воздействие» (с. 131). Анализу подвергаются те способы, при помощи которых субъекты, ограниченные социальными рамками и обстоятельствами, оперируют теми средствами восприятия мира, конструирования культурных практик, наделяния реальности смыслом, которые им предоставляет культура.

Глава шестая рецензируемой монографии также посвящена важной культурологической теме — проблеме диалога культур в контексте истории и в историческом познании. Опираясь на теоретические положения М. М. Бахтина и В. С. Библера, Лорина Петровна рисует панораму перспективных направлений историко-культурологических исследований в этой области. В первую очередь, речь здесь идет об исторической имагологии (имаджинологии) как междисциплинарной области знания, опирающейся, прежде всего, на историческую антропологию, психологию и культурологию. Автор правомерно подчеркивает, что в последнее время изучение образов «Своего» и «Чужого» свелось практически исключительно к этнонациональной проблематике, «в то время как более широкий пласт взаимоотношений на уровне социальных групп и субкультур остается пока малоизученным» (с. 252). Автор предлагает рассматривать образы «Своего» и «Чужого» как часть культурного наследия, по отношению к которым следует изучать их формирование, трансформации во времени *longue durée*, а также пути их использования. Наряду традиционными направлениями имагологических исследований межкультурного диалога (изучение путевых записок, например), автор предлагает и новые пути развития исследований в этой области. В частности, в книге обращается внимание на перспективность такого направления изучения диалога культур, как культурная история переводов, конструирующих образы «Другого» (с. 265). Выделяется и такое направление, как сравнительное изучение культурно-исторической специфики историографических традиций и диалога между ними.

Также Л. П. Репина обращает внимание и на историю международных культурных связей. Отмечается, что сегодня история международных контактов и трансферов приобрела самостоятельный дисциплинарный статус. При этом взаимодействие культур рассматривается как «по горизонтали», в пространстве, так и «по вертикали», во времени. Последнее, очевидно, требует ясного понимания и признания культурной инаковости прошлого, отношения к прошлому «как одной культуры к другой» (с. 271). Необходимым условием реализации такого проекта является отказ от всяких форм культуроцентризма (в том числе и европоцентризма) и изучения истории межкультурных контактов в глобальном масштабе.

Таким образом, вырисовывается широкая программа историко-культурологических исследований, которая «преодолевая границы априорно устанавливаемых национальных, региональных и даже локальных контекстов, сосредотачивает внимание на существующих множественных взаимосвязях, взаимообменах и взаимовлияниях и выявляет их конкретных медиаторов» (с. 270).

Методологически важным для современной культурологии представляется и проведенный в главе восьмой анализ современного состояния интеллектуальной истории. Эта сфера принадлежит к числу особых научных интересов автора. Обозначенные здесь подходы значимы с точки зрения задач культурологического анализа интеллектуальной деятельности, понимания истории мысли в качестве неотъемлемой части истории культуры. Магистральной тенденцией в этой области автор называет «движение от истории идей к интеллектуальной истории» (с. 325). Эта смена названий отражала коренное переосмысление интеллектуальны-

ми историками предмета, метода и дисциплинарного статуса своей области знания.

Традиция интеллектуальной истории была связана с «интерналистской» перспективой, предполагавшей «изучение идей как неких автономных абстракций, имеющих внутреннюю логику развития, безотносительно к другим видам человеческой активности... а иногда и к их носителям и творцам» (с. 330). В отличие от этого, новая интеллектуальная история максимально расширяет свое исследовательское пространство, включая в него исследование «всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты, — в долгосрочной исторической перспективе» (с. 334). Отсюда и возникает проект «новой культурно-интеллектуальной истории», которая рассматривает все интеллектуальные процессы, протекавшие в историческом времени, исключительно в социокультурном контексте конкретного времени и конкретного общества, преодолевая одновременно жесткую дихотомию ученой культуры элиты и архаических представлений масс.

Составной частью этой новой интеллектуальной истории становится история научной мысли, которая также начинает трактоваться как часть культуры современного ей общества. «В отличие от традиционной истории науки, которая была историей открытий, воплощающих прогрессивное движение человечества к познанию истины, сегодня она отказывается от интерпретаций знаний прошлого исключительно с точки зрения современной научной ортодоксии» (с. 347). Здесь на первый план выходят вопросы об условиях и способах производства знания, борьбе за признание полученного результата, о культурно-исторических стандартах научности, способах использования признанного знания в различных целях.

Органичным продолжением этих размышлений является следующая, девятая глава монографии, посвященная интеллектуальной культуре и истории историографии. «Изучение истории интеллектуальной культуры включает как анализ текстов, разнообразного мыслительного инструментария, навыков мышления, способов концептуализации окружающего мира... так и исследование всех форм, средств, институтов (формальных и неформальных) интеллектуального общения в их целостном социально-культурном контексте, в их все усложняющихся взаимоотношениях с “внешним” миром культуры» (с. 371).

Кроме того, для понимания специфики интеллектуальной культуры определенного времени следует учитывать и «транс-темпоральные» коммуникации, процессы актуализации, интерпретации и рецепции текстов прошлого, сохраненных в культурной памяти сообщества. Непосредственно к проблематике культурной памяти примыкает и еще одна обозначаемая автором задача интеллектуальной истории — изучение интеллектуальных традиций как формы хранения, актуализации и передачи наследия, которая сама по себе одновременно является и результатом и предпосылкой интеллектуальной деятельности. Разговор же об интеллектуальных традициях выводит на проблему изучения их творцов и носителей — интеллектуальных сообществ.

Особенно подробно автор останавливается на такой важной составляющей интеллектуальной культуры любой эпохи, как исторические знания и представления, полученные, зафиксированные и используемые в характерных для данной культуры формах и присущими ей способами. При таком подходе традиционная история исторической науки трансформируется в историю исторического знания («интеллектуальную историю истории»). Целью ее становится уже не инструментальный анализ проблемно-тематической историографии по какой-то теме и не выстраивание истории исторической мысли в логике поступательного прогресса научного знания, а «осмысление

исторического прошлого в культурном контексте настоящего, установление связи между текстами и миром человеческого опыта» (с. 393).

Таким образом понятая история исторического знания далеко выходит за рамки традиционной историографии и истории науки вообще, превращаясь в важную составную часть анализа коллективных представлений людей, принадлежащих той или иной культуре. Это — история исторической культуры обществ, включающая в себя «весь комплекс представлений о прошлом и способы его репрезентации» (с. 394). Лорина Петровна отмечает особую важность темпоральных представлений в системе исторической культуры общества и необходимость их изучения в сравнительно-исторической перспективе с целью поиска культурных универсалий человеческого восприятия времени.

Памятүя известную формулу Й. Хейзинги о том, что «история — духовная форма, в которой культура отдает себе отчет о своем прошлом», такая дисциплина видит свою главную задачу в том, чтобы понять те интеллектуальные формы, в которых общество осознает себя. История историографии определяется как история исторической культуры, история образов прошлого, играющих важнейшую роль в конструировании коллективных идентичностей и конфликтов. Фактически понятая таким образом история историографии понимается как важная часть культурной памяти общества.

В дополнение к этому, дискурсивные практики историографии также стали привлекать к себе все больше внимания. Также актуальным становится вопрос и об изучении научных сообществ, тех корпоративных профессиональных норм, которые влияют на историков. Таким образом, анализ историографических концепций превращается в дискурсивный анализ мемориального нарратива, выработанного в рамках определенного сообщества и составляющего основу коллективной идентичности общества в целом.

От этих рассуждений Л. П. Репина вполне закономерно переходит к проблематике коллективной памяти. Десятая глава называется «От теории памяти к практике историописания» и посвящена соотношению памяти и истории. Эта сфера является сегодня одной из наиболее актуальных как для исторической науки, так и для *memory studies*. Диапазон мнений колеблется здесь от позитивистского размежевания пристрастно-избирательной, субъективной памяти с научной, объективно-беспристрастной исторической наукой до их постмодернистского отождествления, признания исторической науки одной из исторических форм мифологии. «...Когда в конце XX века проблематика памяти и идентичности выдвинулась на передовые позиции..., — пишет автор, — многие профессионалы были склонны подчеркивать классическую оппозицию между памятью, обладающей силой формирования идентичности, и историей, призвание которой — объективно анализировать и обобщать, а ее критическая функция диктует необходимость для историка дистанцироваться от политических, общественных и личностных пристрастий...» (с. 447).

Анализируя соотношение истории и памяти, Л. П. Репина, солидаризируясь с позициями П. Нора, Ж. Ле Гоффа и других выдающихся историков, приходит к заключению, что история призвана осуществлять критическую, демифологизирующую функцию. Однако при этом следует признать, что историческая наука постоянно используется в прагматических целях, не имея мощных защитных механизмов от злоупотребления историей. Отмечая, что научная история, основывающаяся на принципах историзма, существенно отличается от памяти, которая свободна от этих ограничений, автор вместе с тем отмечает, что в реальности история и память постоянно взаимодействуют, а сама

историческая наука «постоянно разрывается между *логикой памяти и императивом научного знания*» (с. 450).

Все обсужденные выше темы подводят к проблематике одиннадцатой главы монографии, носящей название «Историческое сознание и проблема идентичности». В первую очередь здесь рассматривается соотношение исторических мифов и национальной идентичности. Автор анализирует наиболее перспективные для современной науки направления разработки этой темы, основываясь на тезисе о том, что «память о центральных событиях прошлого (в моделях “катастрофы” или “триумфа”) формируют идентичность, во многом детерминируя жизненную ситуацию настоящего» (с. 464–465).

В частности, Л. П. Репина отмечает, что одним из самых интересных направлений работы в этой области является анализ взаимосвязей научного знания, системы образования и национального сознания. Также обращает она внимание на то, что в диахронном анализе идентичности есть две принципиально важные проблемы: «каким образом идентичность распространяется на несколько поколений и как она выстраивается в результате интерпретации опыта прошлого и оформления его в историческом повествовании в виде цепи значимых событий прошлого...» (с. 463–464).

В связи с этим принципиально важны замечания автора о том, что историческое повествование играет ключевую роль в преодолении кризисов исторического сознания постольку, поскольку оно оформляет «в определенную смысловую целостность прошлый опыт, зафиксированный в памяти в виде отдельных событий» (с. 487).

Большое внимание уделено в работе анализу понятий исторической культуры и исторического сознания, а также актуальным аспектам их изучения. Историческая культура понимается автором в широком смысле как форма артикуляции исторического сознания, определяемого в свою очередь в качестве внутренней установки по отношению к истории, присутствующей в обществе и диктующей как критерии отбора актуализируемого исторического содержания, так и степень востребованности исторического знания. Автор отмечает, что в отечественной науке путь к постановке вопроса об исторической культуре пролегал через рассмотрение проблематики исторического сознания, и подчеркивает в связи с этим значение новаторского и недооцененного в свое время научного наследия М. А. Барга.

Наши беглые заметки, конечно, не могут заменить непосредственного знакомства с этой замечательной книгой. Сказанного здесь, думаю, достаточно для того, чтобы показать, что глубокая и вдумчивая работа над этой монографией чрезвычайно важна для всякого культуролога, особенно для тех из них, которые заинтересованы проблематикой исторической культурологии.

Если рецензенту удалось донести до читателей эту мысль и вызвать у них желание познакомиться с сочинением в полном объеме, то автор настоящих слов считал бы свою задачу выполненной.

* Пользуясь случаем, Редакционная коллегия поздравляет Лорину Петровну, члена Редакционного совета нашего журнала, с избранием членом-корреспондентом Российской академии наук и выражает надежду на то, что наше сотрудничество будет и дальше способствовать обеспечению высокого научного уровня публикаций историко-культурологической проблематики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика = History at the border of the XX–XXI cc.: social theories and historiographical practices / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Центр интеллектуал. истории, Гос. акад. ун-т гуманитар. наук. М. : Кругъ, 2011. 559 с. (Образы истории).

© Васильев А. Г., 2012

Статья поступила в редакцию 28 декабря 2011 г.

Васильев Алексей Григорьевич,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе,
Российский институт культурологии (Москва)
e-mail: vasal2006@yandex.ru

UDC 930:001.12(049.32)

Vasiliev A.

Contemporary Historical Studies — for Cultural Research A Book Review

Abstract. The book under consideration History at the Border of the XX–XXI cc.: Social Theories and Historiographical Practices (Moscow, 2011) is written by Lorina Repina. The reviewer analyses scholarly approaches of the author to evaluation of contemporary historical methods in Russian and foreign historiography and new trends in the studies of the Past that reveal focusing historical knowledge on constitutive role of culture. The stress is put on the “cultural turn” that characterises contemporary historiography and related changes in themes and topics of historical studies, which are of fundamental importance for the progress of historical cultural research (historical culturology).

Key words: historical study, historical methodology, historiography, cultural turn, historical cultural research, transdisciplinarity

Vasiliev Alexei Grigorievich,
PhD in History, Associate Professor,
Deputy Director for Research,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow)
e-mail: vasal2006@yandex.ru